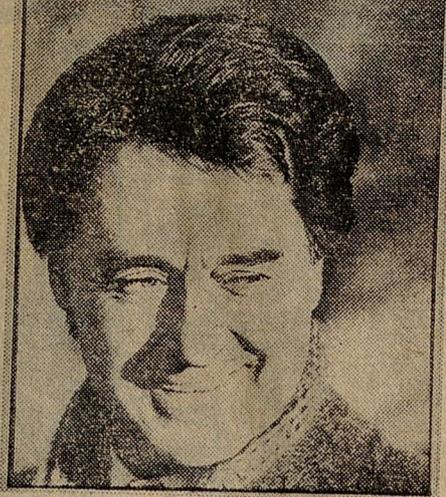

Андрей ДЕМЕНТЬЕВ:

«НАСТУПАЕТ ВРЕМЯ ТАЛАНТОВ»

Лауреату Государственной премии СССР Андрею Деметьеву исполняется 60 лет. Не уязвляется эта юбилейная цифра с образом всегда современного, всегда молодого поэта, автора сборников «Азарт», «Боль и радость», «Наедине с совестью», «Дорога в завтра» и других, главного редактора «Юности».

О проблемах и задачах самого массового из молодежных журналов страны, о его авторах рассказывает Андрей Дмитриевич в беседе с корреспондентом «Литературной России».

— Андрей Дмитриевич, через два месяца выйдет «юбилейный», четвертый номер «Юности». Вы не боитесь того, что журнал «старее»?

— Думаю, что молодость любого журнала определяет не возраст авторов или его главного редактора, а духовная атмосфера, в которой живет и работает редакция. Поэтому если говорить о юбилее «Юности» — четыреста номеров за тридцать три года, — то, казалось бы, уже должна появиться некая солидность. Но мы как раз за то, чтобы страницы наши не были подвержены старению. Был бы журнал всегда молодым, романтическим, взрывным, неуравновешенным, что присуще юности, чье имя мы себе взяли на обложку. Все зависит от человека. Ведь возраст — состояние души, не более. Я знал академика Микулина, когда ему было за восемьдесят — он был тогда так молод: бегал в горы, занимался гимнастикой. Или, например, мой отец: сейчас ему восемьдесят семь — годы, конечно, берут свое, да и лагеря, разлука с семьей, обида на несправедливость. Конечно, нет уже той силы, реакции, но духовный мир не угасает, не пропало чувство юмора, интерес к политике. Словом, у каждого свои рубежи. Мне кажется, что лет в тридцать — сорок я был совсем юным человеком, может быть, потому, что всю жизнь занимался спортом и весело строил свои отношения с окружающим миром — от работы до друзей. А кто-то и в двадцать восемь чувствует себя солидным. Блажен, кто смолоду был молод, но я хотел бы продолжить это известное изречение: блажен, кто эту молодость не утратил потом. И тут все зависит от нас самих.

— Я-то имел в виду не возраст главного редактора, авторов и членов редколлегии, а ситуацию, в какой, на мой взгляд, оказывается со временем любое издание. Поначалу все в нем молодо, еще не подвержено стереотипам и привычкам, а потом приходит пора известности, престижа и... возраст.

— Да при чем тут возраст! Просто время идет, а юность — категория вечная. И потому многие наши авторы для нас в разные времена — всегда открытия. Вознесенский восьмидесятых, к примеру, совсем не тот, что был в семидесятых. Борис Васильев — автор повести «Завтра была война» — не тот, что принес еще Б. Н. Полевому «А зори здесь тихие...». Журнал, как лес: рядом с большими деревьями — подлесок. Но все равно лес — это лес. Он не может быть ни полем, ни дорогой, ни селом. Мы умышленно печатаем рядом с мастерами и молодых — чтобы не снижать уровень. Молодые — ветер в парусах, а паруса — это надежность, опыт. Если мы разъединим их, то разрушим движение. Ведь «Юность» — не только журнал молодых. Он о молодых и для молодых. Убежден: творчество Виктора Сергеевича Розова, члена нашей редколлегии, всегда интересно молодежи, хоть ему немало лет. Нам ставят в упрек, что мы, дескать, не понимаем нынешних неформалов. Нет, почему же, понимаем, потому что вот они, здесь — в двадцатой комнате. К нам приходят поговорить, поспорить, посоветоваться. Это не просто какой-то дзвоный глазок в мир, который нам, взрослым, кажется непонятным, далеким, а порой и странным. Это открытая дверь в мир, без которого невозможно будущее. Но будущего не будет без прошлого.

Вот почему мы все больше даем материалов из литературного наследия, мемуаров, воспоминаний. Молодежь читает их с невероятным интересом. Казалось бы, что для них репрессии 37-го — чужая боль, смягченная временем?! Но нет же! Есть события, проходящие сквозь историю, учебники, даты. Есть — прохо-

дящие сквозь сердца. Молодость всегда ищет справедливости, и ей важно знать, как справедливость была попорана. Знать, чтобы в нынешней борьбе чувствовать себя сильнее. Молодые тоже пришли не на готовенькое: и мы с ними спорим, и жизнь с ними спорит. И подтверждения сегодняшних своих позиций они ищут в истории. Они хотят самоуверждаться и утверждаться в обществе, зная, на что кладут свои силы, и не хотят снова дзотов, чьи амбразуры по ошибке направлены на своих, как в тридцать седьмом.

— Вы считаете деяния культа личности ошибками, а не сознательными актами?

— Исторически это были ошибки, которые привели к сознательному подавлению личности, самостоятельного мышления, самостоятельной позиции. Но Сталин не добился того, чего хотел. Уничтожил огромное количество людей, но быдла из народа не сделал. Отец мне рассказывал, что даже в лагерях многие люди жили мужественно и держались с достоинством. Могли пойти на риск, чтобы покарать кого-то за жестокость. Однажды в лесу отец с товарищами по лагерю повалили дерево так, что оно пошло на конвоира-садида. Его спасла случайность...

— И все же...

— Конечно, ни культ, ни времена застоя не прошли бесследно. Вот я был на открытии XIX партконференции, слушал доклад Михаила Сергеевича Горбачева — и все время думал: почему задержалась перестройка? Практически она началась с XX съезда, и то, что долгий период оказался застойным, — наша беда и наша вина. Сталинизм выбил из многих людей жажду свободы, гордость, смелость и чувство справедливости. И мы оказались не готовы противодействовать тому, что творилось в семидесятых. Поэтому литература и печать должны готовить людей к тому, чтобы отвечать за судьбу страны. Мы говорим, что перестройка будет зависеть от каждого из нас, более или менее представляя, что такое перестройка. А вот что представляет собой каждый из нас? Есть в каждом из нас груз прошлого, который тянет нас вниз, как водолаза его свинцовые башмаки. Можно, прыгая через огонь, зажмуриться, но жар все равно вас опалит. Так и мы зажмуривались в прошлом, чтобы ничего не видеть: я мол, честный, а то-то и то-то меня не касается. Но все равно — опалены. Все. Даже кто был далеко от огня.

Поэтому нам, старшим, надо приглядываться к молодежи — не приглядываться за ней, а приглядываться, ибо сейчас многое в ней достойно подражания. Молодость — самая чистая, наивная, открытая и ранимая пора; эту атмосферу доброты и непорочности надо и нам впустить в душу, захлавленную порой пустыми фразами, истерзанную сомнениями и лицемерием. Глупо и недостойно говорить: дайте нам дожить свое такими, какие мы есть. Жестоко и бессмысленно говорить: подождем, пока уйдут старшие поколения, и тогда...

— Да так и не получится, ведь своих детей мы же и воспитываем.

— Вот мы и потеряли детей, когда воспитывали их в том же духе, в каком в свое время — нас. Сколько есть еще семей, где родители личным примером преподносят детям уроки чинопочитания, лжи и фарисейства. Вся страна была такой семьей, когда мы лгали и соглашались со всем, что шло сверху. Не все, разумеется, только и делали, что притворялись. В том-то и трагичность нашего времени, что многие верили в ту бессмысленную правду, которая правдой не была.

На фронте солдаты шли в атаку с именем Сталина. И с именем Сталина иные

шли на казнь, им же и утвержденную. Вот что чудовищно. Молодежи, не успевшей затвердить наши стереотипы, лучше нас было видно, что и другой король — в маршальском мундире — был на самом деле голый. Так мы потеряли наших детей. И сейчас пришла пора возвращать их, и делать это возможно только правдой. Помню, как нелегко мне было просить прощения у сына, тогда школьника (сейчас он служит в армии), когда после нашей ссоры я понял, что был неправ. С точки зрения принятых тогда норм общения, мои слова сыну были приемлемы и даже, возможно, справедливы. Но я чувствовал, что теряю его доверие... Этому тоже надо учиться — просить прощения, когда единственными доказательствами твоими стали возраст и гнев.

В создании духовной атмосферы добра, правды, милосердия, так необходимой обществу, должен, конечно же, участвовать журнал. Мы стараемся дать молодым возможность высказаться, большое внимание уделяем письмам. В письмах обозначены чужие судьбы, а одна из черт современности — нашей, по крайней мере, социалистической современности — сопричастность общества с судьбой каждого из нас. Важно привлечь внимание к проблеме, а дальше рождается цепная реакция сопричастности: идут письма, пишутся исповеди, в журнал обращаются как к близкому человеку. Как раньше было в русской деревне: или позор, или радость не от того, что совершил дурное или похвальное, а от сознания, что об этом всем известно, что мир не забудет ни хорошего, ни дурного. И уже тогда, если ты не прав, становится стыдно наедине с самим собой.

— Кого из прозаиков вы имели в виду, говоря о литературной молодежи «Юности»?

— С молодой литературой сейчас вообще непростое. Я три года был председателем государственной экзаменационной комиссии Литинститута, читал дипломные работы — тогда мы подготовили целый номер из произведений выпускников... У молодых чуткое, своеобразное ощущение слова, но таких рукописей, чтобы срочно, всех «подвинув», поместить в номер, я почти не встречал. Чаще — чисто формальный поиск, когда рассказ написан здорово, но духовно неглубок. Считаю, что, с точки зрения общественного наполнения, общественного резонанса, перекрывает многих молодых Юрий Поляков. Писатель остро мыслящий и остро пишущий, он близко воспринимает боль своего времени и темы выбирает самые болезненные. Вспомните: «ЧП районного масштаба» или «Сто дней до приказа». В свое время мы открыли узбекского писателя Нурали Кабула, одними из первых опубликовали Евгения Попова, автора сложившегося, но долгое время находившегося в искусственной изоляции...

Но все же во весь голос молодые пока о себе не заявили. Тут, видимо, сыграла роль некоторая их отчужденность от жизни. Многие воспитывались на классике, на литературе двадцатых годов, унаследовали порою только технику, но не характерную для классиков глубину проникновения в психологию, во Время. Может быть, это произошло потому, что время не интересовало их — слишком оно было неинтересно в те годы, когда они формировались, много в нем значилось формального, лозунгового. Люди казались прямыми и простоватыми, как телеграфные столбы. Вот и уходила молодая литература в себя — а что там, в себе, особенно в таком возрасте?.. Только гении могут уместить в себе весь мир, даже отстранившись от него.

Думаю, сейчас наступает время, которое должно подготовить очень крупные таланты. Гласность, демократизация — не только предмет исследования литературы, это и залог ее свободного развития. Мы никому не навязываем своих эстетических позиций: пусть приходят к нам разные авторы — молодые, талантливые и прежде всего честные.

Беседу вел Евгений НЕКРАСОВ